

Хельги Харальдссон (Осло)

ВЕЧЕРА НА КРЕСТОВСКОМ ОСТРОВЕ

«Всегда, когда я слышу имя Сталина, я вспоминаю про апельсины. И наоборот». Так выразился Михаил Иванович Стеблин-Каменский в один из субботних вечеров 1967–1970 гг. Субботние вечера у Михаила Ивановича стали незабываемым событием во время моей аспирантуры в Ленинграде, городе, при строительстве которого Петр Первый пожертвовал десятками тысяч человеческих жизней, прорубая окно в Европу. Бесспорно, самое дорогое окно в истории человечества.

Михаил Иванович иронически посмотрел на меня поверх коньячной рюмочки. Я явно не понимал этой связи между деспотом и цитрусовыми.

— Дело в том, — сказал он на идиоматическом исландском языке, — что для меня самым вкусным деликатесом всегда были апельсины. Когда Сталин пришел к власти, апельсины исчезли и не появлялись до тех пор, пока он не ушел из мира сего.

Субботние встречи у Михаила Ивановича были для меня настоящим откровением. Он с большим удовольствием практиковался в разговорном исландском. Обычно Михаил Иванович заранее готовил какую-нибудь тему для разговора. В частности, он рассказал мне о своем знакомстве с отдельными союзными республиками Советского Союза, об их истории, быте и культуре. Это было лучшее введение в страноведение в моей жизни. Однако самое сильное впечатление на меня произвели его рассказы о блокаде Ленинграда, которую он сам пережил. Много лет спустя эти ужасы ожили в моей памяти, когда я читал рассказ «Дракон», найденный и опубликованный после его смерти.

Михаил Иванович был необычайно разносторонним филологом. Его пронзительный критический ум был в равной степени занят современной фонологией и скандинавской средневековой балладой. Но самым дорогим для него были исландские саги. В его книге «Мир саги» приведен исчерпывающий список всех научных работ об ис-

ландских сагах. Он очень любил и ценил традиционную исландскую поэзию. Из исландских поэтов XX в. он выше всех ставил Йоуна Хельгасона.

Как-то я продекламировал несколько сочных строф тогдашнего президента Исландии, с которым Михаил Иванович был лично знаком. Он помолчал, а потом сказал:

— Я знал, что исландцы великий культурный народ, но что они настолько культурны, этого я не знал.

И попросил продолжить.

В предисловии к рассказу «Дракон» Д. С. Лихачев пишет, что автор не был послушным слугой власти имущих. Против воли начальства он отказался от престижного для советской науки приглашения читать лекции в Оксфордском университете из-за проходившей тогда «тресковой войны» англичан против Исландии. Когда один его коллега и бывший студент эмигрировал в США, Михаил Иванович отказался подписать заявление с осуждением этого поступка, хотя, если бы он и сделал это, никто бы его не попрекнул: все знали, каким образом появляются такие «протесты». И «аппарат» не забыл об этом «неповиновении».

Благодаря инициативе Сигурдур Хафстада, первого секретаря исландского посольства в Москве, Михаил Иванович в 1971 г. стал почетным доктором Исландского университета. В связи с этим его пригласили в Исландию. В Москве он долго ждал разрешения на выезд, но никак не мог добиться вразумительного ответа от «аппарата». Наконец, его друг в посольстве Исландии позвонил в министерство и спросил, почему Стеблин-Каменский до сих пор не получил разрешения на выезд. Ему ответили, что профессор слишком занят своей научной работой и поэтому не может выезжать за границу. Исландский чиновник обратился с жалобой в МИД, и в конце концов разрешение на выезд было дано. Тогдашний министр культуры Исландии Гильви Т. Гисласон создал Михаилу Ивановичу благоприятные условия для приятного и полезного пребывания в стране осенью 1971 г. Это была его последняя поездка в Исландию.

Михаил Иванович был глубоко признателен своему другу за решительное вмешательство, но сказал в шутку: «Я не удивлюсь, если на днях на мою голову свалится кирпич».

Когда Исландское общество дружбы с СССР (сокращенно МИР) отмечало юбилей, Михаил Иванович, разумеется, считался первым кандидатом в почетные гости. Он получил приглашение, поехал в Москву, чтобы там дожидаться отъезда. Время шло, но никаких известий о поездке в Исландию не было. Наконец, терпение у Михаила Ивановича лопнуло и он, вместо того чтобы ждать с покорностью, общепринятой в таких случаях, решил сам выяснить, в чем же дело. Вскоре он узнал, что советская делегация на юбилей МИРа уже отправилась...

Как видно из вышесказанного, нелегко было оставаться честным гуманитарием в «безапелляционный» период. В связи с этим Михаил Иванович рассказал мне, между прочим, следующее.

В последние годы правления Сталина какой-то историк подверг суровой критике трактат Михаила Ивановича о развитии норвежского языка, в частности его утверждение, что норвежский язык давно распадается на диалекты, которые постепенно отдаляются друг от друга. «Это, — отметил историк, — противоречит диалектическому анализу развития языков гениального вождя». У Михаила Ивановича оставался только один выход: публично раскаяться. Он написал статью, где признался в своем заблуждении, но сумел сделать это таким образом, что историк стал всеобщим посмешищем.

Приведенный случай наводит на мысль о несимпатичной склонности некоторых западных ученых вменять советским ученым в вину те ограничения, которые им создавала политическая ситуация на их родине и которые неизбежно отражались в их работах. На языке боксеров это называется «ударом ниже пояса». Пример — довольно сомнительное предисловие к английскому переводу работы Михаила Ивановича «Миф» (*Steblin-Kamenskij M. I. Myth. Ann Arbor Introduction by Sir Eddmund Leach. Ann Arbor, 1982*).

Чаще, однако, речь шла всего лишь о естественном непонимании западными учеными советской действительности. Так, в книге «Мир саги» Михаил Иванович искусно разоблачал догмы и злоупотребление властью, характерные для советского режима, и делал он это на примере развития церкви и государственной власти в Средние века. Ни один мыслящий советский гражданин не мог не понять, что имеет в виду Михаил Иванович, и многие удивлялись тому, каким образом книге удалось пройти цензуру. А на деле цензуре не к чему было придираться. Такой розыгрыш цензуры стал настоящим искусством в странах Восточной Европы в доперестроечный период как в художественной, так и в научной литературе. Так вот, один прекрасный этнограф в рецензии на «Мир саги» встал на защиту церкви, упрекая Михаила Ивановича, в частности, в непонимании того, что норвежский король Магнус Добрый был подлинным христианским гуманистом!

Михаил Иванович очень любил и досконально знал исландский язык, исландскую культуру и историю. Его знания и оригинальный исследовательский подход поражали.

Исландцы, которые имели счастье познакомиться с этим харизматическим человеком, свято хранят память о Михаиле Ивановиче Стеблин-Каменском — искреннем друге их страны.